

Действующий УПК Российской Федерации закрепил совершенно новую систему мер процессуального принуждения. В частности, ранее вызывавшие разногласия вопросы получили свое разрешение в законодательстве, впервые были выделены понятия «меры процессуального принуждения» и «иные меры процессуального принуждения», четко регламентирована система мер процессуального принуждения.

Однако проблема совершенствования мер процессуального принуждения не решена полностью, это обусловлено неполнотой исследования некоторых аспектов проблемы. Анализируя статьи уголовно-процессуального законодательства, относящиеся к мерам процессуального принуждения, следует отметить в их содержании ряд противоречивых, несовершенных и трудно реализуемых в практической деятельности норм.

Понятие и содержание мер уголовно-процессуального принуждения, в частности иных мер процессуального принуждения, а также условия и порядок их применения, обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства остаются проблемными вопросами.

Становление института иных мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России представляет собой сложный многоэтапный процесс, протяженность которого насчитывает несколько столетий. Естественно, что генезис и динамика этого процесса были опосредованы рядом причин и предпосылок, порожденных становлением отечественного уголовного процесса, общецивилизационным развитием Российского государства.

В специальной литературе отмечается, что одновременно с развитием права появлялись ограничения, касавшиеся принуждений, непосредственно выражавшиеся в виде санкций правовых норм, целью которых было смягчение грубой силы и создание преград насилию. Применение грубой силы заменялось упорядоченным принуждением, что регулировалось в рамках правового поля.

Анализ нормативных актов России XVII–XVIII вв. показал, что они характеризовались довольно жесткими санкциями. Например, в соответствии со ст. 119 Соборного уложения 1649 г. за неисполнение предписания о явке лицо подвергалось приводу в суд и битью батогами. Позднее в Артикуле воинском 1715 г. предусматривались отсечение двух пальцев и каторга за лживую присягу; если лживая присяга причиняла большой вред кому-либо, виновное лицо ждало самое суровое наказание, закрепленное в этом нормативном акте, – смертная казнь.

Иные меры процессуального принуждения в ныне действующем УПК РФ «обязаны» своей правовой регламентацией проекту Комитета Государственной думы Российской Федерации по законодательству и правовой реформе.

Отечественный законодатель посчитал возможным подразделить меры уголовно-процессуального принуждения с учетом научных разработок на следующие группы:

- задержание подозреваемого (ст. 91–96);
- меры пресечения (ст. 97–110);
- иные меры процессуального принуждения (ст. 111–118).

Так, гл. 14 УПК РФ относит к иным мерам процессуального принуждения обязательство о явке (ст. 112), привод (ст. 113), временное отстранение от должности (ст. 114), наложение ареста на имущество (ст. 115, 116), денежное взыскание (ст. 117, 118).

Однако, по мнению многих авторов, не все меры следует относить к мерам процессуального принуждения. Например, П.В. Гридюшко ставит под сомнение вопрос о возможности присутствия среди этих мер денежного взыскания, так как она в большей степени выступает мерой процессуальной ответственности, так как имеет целью возложение ответственности на виновного. Регламентацию данной меры необходимо вынести за пределы гл. 14 УПК РФ.

Необходимо включить в систему мер процессуального принуждения меру, обеспечивающую порядок хода судебного заседания, которая будет заключаться в виде удаления из зала судебного заседания лиц, нарушивших порядок в судебном заседании и не подчинявшихся требованиям председательствующего или судебного пристава (ст. 258 УПК РФ), так как эта мера соответствует признакам мер процессуального принуждения. Во-первых, правом применения этой меры наделен суд – орган, осуществляющий уголовное судопроизводство. Во-вторых, удаление из зала судебного заседания обладает принудительным характером; его применение не зависит от воли и желания лиц, в отношении которых допустимо применение данной меры.

Следовательно, как показывает практическая деятельность следователей и дознавателей по применению иных мер уголовно-процессуального принуждения, имеется немало недостатков, среди которых значительная часть предопределена несовершенством и пробелами уголовно-процессуального законодательства.

УДК 343.21.17

П.В. Мытник

ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

В уголовном процессе (как и в других отраслях процессуального права) имеются так называемые особые производства. В разд. XIV УПК Республики Беларусь предусмотрено восемь особых производств:

- 1) производство по уголовным делам частного обвинения (гл. 44);
- 2) производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет (гл. 45);
- 3) производство по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения (гл. 46);
- 4) ускоренное производство (гл. 47);
- 5) производство по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс (гл. 48);
- 6) производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (гл. 49);

7) производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 49¹);

8) производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого (гл. 49²).

После введения с 1 января 2001 г. в действие УПК 1999 г. первое из перечисленных особых производств – производство по уголовным делам частного обвинения – корректировалось законодателем (Законы Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З и 20 декабря 2007 г. № 297-З); было предметом рассмотрения на Пленуме Верховного Суда Республики Беларусь (постановление от 31 марта 2010 г. № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения»), а 27 ноября 2015 г. Конституционным Судом Республики Беларусь принято решение № Р-1004/2015 «О правовом регулировании возбуждения уголовных дел частного обвинения». Не обойдено вниманием данное производство и научным сообществом. Проблемы, связанные с производством по делам частного обвинения, исследовались В.Н. Бибило, Л.Л. Зайцевой, Л.И. Кукреш, В.В. Марчуком, О.В. Петровой, В.А. Ракитским, А.В. Самко, А.С. Сенько, А.В. Солтановичем, В.М. Хомичем, В.Т. Чемруковым, А.И. Шведом и др.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что исследование проблем, связанных с производством по делам частного обвинения, является актуальным и незавершенным.

В настоящее время уголовное преследование и обвинение в суде в порядке частного обвинения осуществляется по 17 составам преступлений, из них 13 преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и 4 менее тяжкие преступления. В 2016 г. органами внутренних дел решение о прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить в суде в соответствии со ст. 426 УПК уголовное дело частного обвинения принималось 1 244 раза, в 2017 г. – 1 212. При этом ежегодно в республике постановлением приговора заканчивается рассмотрение около 500 дел частного обвинения, из которых абсолютное большинство составляют дела в отношении лиц, осужденных по ст. 153 УК (Умышленное причинение легкого телесного повреждения) и ч. 1 ст. 317 УК (Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее по неосторожности причинение менее тяжкого телесного повреждения).

Необходимо отметить, что анализируемое производство было предусмотрено ранее действовавшим законодательством, а также предусмотрено в зарубежных уголовных процессах.

Согласно ст. 106 УПК Республики Беларусь 1960 г. (перед введением в действие УПК 1999 г.) к делам частного обвинения были отнесены лишь два преступления (легкие телесные повреждения, повлекшие кратковременное расстройство здоровья, и оскорбление).

В настоящее время в уголовном процессе России уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 (Умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116.1 (Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию) и ст. 128.1 (Клевета) УК России, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК России, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Все три состава преступления относятся к категории небольшой тяжести и подсудны мировому судье (ч. 1 ст. 31 УПК России). Руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. К иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором неизвестны (ч. 4 ст. 20 УПК России). Вступление в уголовное дело прокурора не лишает стороны права на примирение (ч. 4 ст. 318 УПК России).

Уголовным производством в форме частного обвинения является производство, которое может быть начато следователем, прокурором лишь на основании заявления потерпевшего относительно уголовных правонарушений, перечисленных в ст. 477 УПК Украины. При этом отказ пострадавшего, а в случаях, предусмотренных УПК, его представителя от обвинения является безусловным основанием для закрытия уголовного производства в форме частного обвинения (ч. 4 ст. 26 УПК Украины).

УПК ФРГ (абз. 1 § 374) содержит перечень деяний, которые могут преследоваться в частном порядке. Речь идет о деяниях небольшой тяжести, совершаемых в сфере частной жизни (например, нарушение неприкосновенности жилища, оскорбление, нарушение тайны переписки, умышленное и неосторожное нанесение телесных повреждений), а также о таких экономических преступных деяниях, как уголовные проступки, предусмотренные в законе о противодействии недобросовестной конкуренции и законах о защите интеллектуальной собственности). Согласно § 376 УПК ФРГ прокуратура вправе предъявлять публичное обвинение в отношении уголовных деяний, преследуемых по частному обвинению, если существует общественный интерес в уголовном преследовании.

В специальной литературе справедливо указывается на недостатки правового регулирования производства по делам частного обвинения. Так, ни в УПК, ни в постановлении Пленума нет однозначного ответа на вопрос о том, как поступать в ходе расследования при перекалфикации преступления на деяние, преследуемого в порядке частного обвинения. Согласно ч. 2 ст. 181 УПК производство предварительного следствия обязательно по всем делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также о предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяниях невменяемых или лиц, заболевших психическим расстройством (заболеванием) после совершения преступления. И если, что касается несовершеннолетних, ст. 427 УПК дополнена ч. 1¹, то в отношении второй категории подобной части нет, хотя на это указывается учеными. Подвергается критике возможность затрагивания преступлениями, перечисленными в ч. 2 ст. 26 УПК, существенных интересов государства и общества. Заслуживают внимания предложения об исключении из перечня деяний, влекущих уголовную ответственность по требованию потерпевшего, если вред ими причинен юридическим лицам.

Полагаем, реформирование производства должно осуществляться через призму Конституции: «Обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства» (ст. 21 Конституции). Зададим риторический вопрос: в каком производстве права потерпевшего лучше гарантированы? Ответ очевиден: в обычном, а не в особом. В этой связи необходимо поддержать предложения о едином порядке возбуждения уголовных дел о преступлениях, перечисленных в ст. 33 УК, – по заявлению пострадавшего (его представителя), которое должно подаваться в орган уголовного преследования. Производство предварительного расследования по таким делам должно осуществляться в обычном порядке, при этом потерпевший должен быть по-прежнему наделен правом примирения (не только с обвиняемым, но и с подозреваемым). А уж если не примирится на стадии предварительного расследования, то поддерживать обвинение ему в суде будет гораздо легче. Однако и в ходе судебного разбирательства можно примириться.

УДК 343.1

И.А. Насонова

БЫСТРОЕ И ПОЛНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Решение проблемы борьбы с преступностью невозможно без быстрого и полного расследования преступлений. Недаром именно деятельность по быстрому и полному раскрытию преступлений на протяжении долгих лет рассматривалась в качестве важной задачи уголовного судопроизводства. Эти годы в основном приходились на период длительного действия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Именно этот документ послужил фундаментом и для УПК РСФСР, и для УПК БССР, принятых в 1960 г.

И конечно же, идея быстрого и полного расследования преступлений была отражена в статьях УПК, формулирующих задачи уголовного судопроизводства. Примечательно, что и в ныне действующем УПК Республики Беларусь такой подход к формулированию указанных задач полностью сохранился, о чем свидетельствует ст. 7.

Что же касается УПК Российской Федерации, то в нем наблюдаются изменения в расстановке акцентов при определении назначения уголовного судопроизводства. В соответствии со ст. 6 УПК РФ к назначению уголовного судопроизводства в первую очередь относится деятельность по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. И лишь во вторую очередь законодатель обращает внимание на то, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Буквальное толкование указанной статьи УПК РФ может создать впечатление, что расследование преступлений теряет первостепенное значение для российского уголовного судопроизводства в качестве его задачи. Однако это не так. Анализируя текст действующего уголовно-процессуального законодательства, можно установить, что именно расследованию преступлений посвящена значительная его часть. Примечательно, что УПК РФ содержит требования, предъявляемых к предварительному расследованию. Так, согласно ч. 4 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование должно быть полным, объективным и соответствовать процессуальным срокам.

Деятельность по расследованию преступлений получила тщательную регламентацию, и прежде всего в рамках УПК РФ. Предварительное расследование является одной из основных стадий российского уголовного процесса, определяющих дальнейшее движение уголовного дела.

Обусловленные данной деятельностью такие компоненты, как уголовное преследование, назначение виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, полностью охватываются назначением уголовного судопроизводства.

Кроме того, указанные виды деятельности часто рассматриваются в качестве средств для решения правозащитных задач, предусмотренных ч. 1 ст. 6 УПК РФ. В частности, подобной позиции придерживался И.А. Петрухин.

Нельзя не учитывать также и то обстоятельство, что ряд ученых признают особую значимость деятельности по раскрытию преступления для уголовно-процессуального права. Так, В.Н. Григорьев, А.В. Победин, В.Н. Яшин делают вывод о важности на современном этапе быстрого и полного раскрытия преступлений. С указанной позицией перекликается утверждение П.А. Лупинской, отмечавшей, что без указанной деятельности права участников уголовного судопроизводства не будут гарантированы в полной мере. И это действительно так, поскольку без своевременного и полного раскрытия преступления невозможно решить правозащитную задачу, являющуюся по действующему уголовно-процессуальному законодательству приоритетной.

Рассматриваемая проблема являлась предметом пристального исследования В.В. Николюка, который убедительно доказал необходимость для уголовного судопроизводства выполнения задачи борьбы с преступностью. В связи с этим нельзя не согласиться с его предложением закрепить в качестве самостоятельной задачи уголовного судопроизводства не только деятельность по быстрому и полному раскрытию преступления, но и предусмотренную ст. 2 УК РФ деятельность по охране общественной безопасности и общественного порядка, конституционного строя от преступлений.

Полностью с приведенным мнением согласуется позиция А.Б. Соловьева, предлагающего отразить в назначении уголовного судопроизводства обеспечение публичного интереса, состоящего в защите общества и государства от преступных проявлений.